

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.161.1.0+821.111(73).0

DOI: 10.31249/litzhur/2023.59.07

С.А. Шульц
© Шульц С.А., 2023

А.П. ЧЕХОВ И Н. ГОТОРН (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Аннотация. Для Чехова во многих отношениях значимы контакты с романтизмом, в том числе полемические. Обнаруживаются интертекстуальные связи Чехова с одним из поздних романтиков – Н. Готорном. Готорн предлагает в своем творчестве собственный вариант «превращения» классического романтизма, близкий сентиментализму (за счет выдвижения чувствительности персонажей). Чехов менее, чем Готорн связан с сентиментализмом, он переключает свой интерес на дихотомию истинного и ложного романтизма. В самом деле, Чехов последовательно разграничивает романтизацию (идеализацию, «идиллизацию») фальшивую и романтизацию действительно оправданную, состоятельную. Это близко пушкинскому отграничению «истинного романтизма», а также предложенной Г. Флобером принципиальной антиномии «ложного» и «истинного» романтизма.

Ключевые слова: Чехов; Готорн; романтизм; сентиментализм; идиллия; антиидиллия.

Получено: 22.11.2022

Принято к печати: 16.12.2022

Информация об авторе: Шульц Сергей Анатольевич, доктор филологических наук, независимый исследователь (Ростов-на-Дону).

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3429-6714>E-mail: s_shulz@mail.ru

Для цитирования: Шульц С.А. А.П. Чехов и Н. Готорн (к постановке проблемы) // Литературоведческий журнал. № 1(59). 2023. С. 114–126. DOI: 10.31249/litzhur/2023.59.07

Sergei A. Shul'ts
© Shul'ts S.A., 2023

**A.P. CHEKHOV AND N. HAWTHORNE
(TO POSING A PROBLEM)**

Abstract. For Chekhov contacts with Romanticism, including polemical ones, are significant in many respects. Chekhov's intertextual connections with one of the late romantics, N. Hawthorne, are revealed. Hawthorne offers in his work his own version of the "transformation" of classical Romanticism, close to Sentimentalism (due to the promotion of the sensitivity of the characters). Chekhov is less connected with sentimentalism than Hawthorne, he switches his interest to the revival of the dichotomy of true and false Romanticism. Indeed, Chekhov consistently distinguishes between false romanticization (idealization, "idyllization") and really justified, well-founded romanticization. This is close to Pushkin's delimitation of "true Romanticism", as well as the fundamental antinomy of "false" and "true" Romanticism proposed by G. Flaubert.

Keywords: Chekhov; Hawthorne; romanticism; sentimentalism; idyll; anti-idyll.

Received: 22.11.2022

Accepted: 16.12.2022

Information about the author: *Sergei A. Shul'ts*, DSc in Philology, Independent Researcher (Rostov-on-Don).

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3429-6714>

E-mail: s_shulz@mail.ru

For citation: Shul'ts, S.A. "A.P. Chekhov and N. Hawthorne (to Posing a Problem)". *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 1(59), 2023, pp. 114–126. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2023.59.07

Высказывание М.М. Бахтина о том, что творчество А.П. Чехова – «это только стилизация» [16], еще не получило развития в науке о литературе, хотя без его учета понять Чехова почти невозможно. Данная трактовка предполагает отсутствие у Чехова прямого слова и авторское исключительное внимание к слову, уже как-либо преломленному в литературе до него. Один из эпифеноменов такой тотальной стилизации – отношение Чехова к классическому романтизму, часто развенчивающее или негативное. Отсюда нередкая пародийная деструкция Чеховым коллизий романтических текстов, деструкция идеализации как ложной, чрезмерного пафоса как ложного, приподнятости как ложной. Вместе с

тем, наряду с подобной деромантизацией, Чехов нередко манифестирует пафос приподнятости, воодушевления, например через отдельные сентенции. Нередко отдельные его персонажи с надеждой переносят в гипотетическое будущее осуществление неких романтических принципов или поступков.

З.С. Паперный в связи с этим рассуждает о сложной амплитуде колебаний чеховского авторского тона, от отрицания романтики вплоть до ее двусмысленных рецидивов [11]. Исследователь считал, что «Приближение Чехова к романтизму в том, что сквозь план – жизнь как она есть – настойчиво пробивается второй план – жизнь, как она представляется в вере, ожидании, внутреннем устремлении» [11, с. 56]. А.И. Парфеновым продемонстрирован *диалог* писателя с русским классическим романтизмом [12].

Многие персонажи Чехова, в самом деле, нередко обнаруживают романтизированный «эмоционально-волевой тон» (термин Бахтина): протагонист «Рассказа старшего садовника», Коврин из «Черного монаха», три сестры из одноименной драмы, протагонист «Дяди Вани» и др. Романтизация их «тона» – в воодушевлении, в вознесенности над серым настоящим.

Однако иногда некоторые исследователи (например, И.П. Золотусский в цикле передач на телеканале «Культура») призывают не воспринимать пафосные высказывания чеховских героев всерьез, фиксируя довольно ироническое отношение автора к ним. Сама по себе постановка вопроса в подобном ключе вполне правомерна. Высказывания персонажей часто поданы Чеховым объектно, здесь просматриваются элементы авторской иронии, но последние надо воспринимать в едином ряду с остальными, не развенчивающими, а утверждающими элементами чеховского «эмоционально-волевого тона».

Чехов ощутимо и последовательно разграничивает романтизацию (идеализацию) ложную и романтизацию (идеализацию) действительно оправданную, состоятельную. Это близко пушкинскому отграничению «истинного романтизма» [2], а также предложенной Г. Флобером антиномии «ложного» и «истинного» романтизма [15; 18].

Ложный романтизм, в восприятии Пушкина, Флобера, Чехова, предлагает суррогаты идеалов и эмоций, наигранную, подражательную экзальтацию, мнимый пафос. Оправданная же, истинная

романтизация ставится ими высоко. В отдельных текстах Чехова налицо симптомы возрождения «истинной» и «ложной» романтизации. Новая, чеховская, романтизация приходит на место, оставшееся после деструкции классического романтизма как целого, основываясь на его трансформациях-превращениях.

Часто романтизация восходит у Чехова к определенным ностальгическим воспоминаниям его персонажей, которые обращаются через прожитый временной интервал к предстающим значимыми (идеализированными) фрагментам прошлого. В мире Чехова встречается также, с одной стороны, «ностальгия по настоящему» (А.А. Вознесенский), т.е. тоска по реализации должно-высокого здесь и сейчас и, с другой стороны, «ностальгия» по предощушаемому гипотетическому будущему, т.е. особая устремленность к эмоциональному переживанию и проживанию значимых фактов в их перспективе. За счет эмоционального ностальгирования, движения чувствительности романтизация нередко сливается в чеховских текстах с сентименталистским пафосом, вообще с сентиментализмом, но остраеваемым за счет чеховской иронии.

Бахтин подмечал, что при всей «зыбкости и неопределенности границ сентиментализма (как и всех течений такого масштаба)», тот «переходит и частично сливается с романтизмом» – с одной стороны, а с другой – «почти сливается с потоком реализма» [1, с. 304–305]. Поэтому принципиальным представляется рассмотрение Чехова, с одной стороны, в рамках дихотомии ложный романтизм / истинный романтизм, а с другой – в рамках сближения чеховской романтизации с сентиментализмом. На этом пути одной из значимых для Чехова фигур представляется Н. Готорн.

Поздний романтик Н. Готорн засвидетельствовал столкновение абсолютных идеалов романтизма, относимых писателем в основном в прошлое или же воспринимаемых в качестве сохранившихся в настоящем, с «идеалами огрубения» (выражение Гоголя), увиденными им в наступающей механистической цивилизации. Готорн предлагает в своем творчестве собственный вариант «превращения») классического романтизма, более близкий сентиментализму, чем у Чехова. Хотя при этом Готорн практически вне дихотомии «истинный и ложный романтизм» (т.е. он знает только один романтизм – с положительным знаком).

Персонажи, вызывающие готорновское приятие, отличаются не просто должными качествами, но особенной метафизической чувствительностью и чуткостью, своего рода «культом сердца», предельно широко понятым. Последний момент близок сентиментализму, но у Готорна он по-романтически оркестрован за счет соотнесения индивидуальной чувствительности с духовным началом. С сентиментализмом сближена также готорновская идеализация природы, осознанной не только идиллически, но шире – в контексте романтизации. Метафизический психологизм Готорна ставит его в ряд зачинателей американской психологической [6, с. 38] и философской прозы.

Готорн скорее противопоставляет природу и человека в качестве антагонистов. По мнению проф. СПбГУ Э.Ф. Осиповой, выраженному в ее частном письме ко мне, «в романе “Любовь в Блайтдейле” (обычный, но приблизительный перевод этого названия в русских изданиях: “Счастливый дол”. – С. III.) показано, что утопия – как расценивали ее трансценденталисты¹ – невозможна именно из-за несовершенства человеческой природы. То же в “Алой букве”: природа – совершенна, но человеческое общество – нет. И только героическими усилиями, моральным подвижничеством (self-reliance) можно улучшить мир».

Э. По полагал, что Готорн якобы «дальше всех от природы» в том аспекте, что его интересует не «буквальность» им наблюдаемого и изображаемого, а «аллегоричность» и мистика [13, с. 126–131]. Готорн вкладывает в свои сюжетные ситуации переносный смысл, призванный «испытать» персонажей или целый тип социума «на доверие» к сфере сверхъестественного (метафизического, фантастического). Согласно замечанию Е.М. Мелетинского, Готорн «в своих новоанглийских предках сознательно усматривает некую фантастику самой действительности как естественный материал для новелл», при этом писатель «связывает фантастичность и с устной традицией, восходящей к этим “ранним” временам, традицией, в которой переплетаются личная память и воспоминания старых людей» [9, с. 185].

¹ Трансценденталисты – школа в американском романтизме, к которой Готорн имел несколько косвенное отношение, см.: [10].

Общая для Чехова и Готорна тема – затрудненное расставание с высокими категориями и ценностями в преддверии наступления «тяжелых времен» мировой истории. Готорн отстаивает права метафизических ценностей перед лицом наступления материалистического прагматизма и экономизма.

Э. Полоцкая призвала рассматривать коллизию «Вишневого сада» в качестве повторяющейся в разные исторические эпохи и в этом аспекте константную: «гибель одного дворянского имения прочитана <...> как ситуация “вишневый сад” в любую эпоху» [14]. Как и всякий символ, «вишневый сад» имеет множество значений, и среди них, безусловно, – переносные и условные [8]. Столь же многосмысленна одна из константных сюжетных ситуаций у Н. Готорна – в частности, ситуация ностальгии по ушедшим временам среди той части Америки («Новой Англии»), которая еще сохраняла дух и нравы первых переселенцев и еще не отделилась от Англии (см.: [6]).

В новелле Готорна «Старая Эстер Дадли», вошедшей в цикл «Легенды губернаторского дома», губернатор Хоу признается героине: «Провинция, доверенная мне королем, потеряна. Мне предстоит дожить свой век в бесчестье и немилости, и я покидаю этот дом навсегда. А вы, свидетельница того, как королевские губернаторы один за другим всходили по этим ступеням в блеске и торжестве власти, вы, чья жизнь была освящена преданностью нашему королю, чье теперешнее существование неразрывно связано с прошлым, – как же вы перенесете этот крах?» [3, с. 218].

Эстер Дадли остается в Губернаторском доме (символе «Новой Англии», романтическом и идиллическом) даже когда остальные покинули его. Этот дом для нее – эстетизированное и экзистенциализированное пространство (внутренне обжитое ею)². По ее признанию, «...я слишком долго прожила под этим кровом и не оставляю его до той поры, пока меня не отнесут в гробницу моих предков. Для Эстер Дадли нет другого пристанища, кроме Губернаторского дома или могилы!» [3, с. 217–218]. Губернатор Хоу

² В.В. Кондратьева и М.Ч. Ларионова справедливо обратили внимание на роль у Чехова именно «эстетического осознания пространства не только для индивидуального восприятия, но и для культуры в целом»; теоретическую рефлексию по поводу этого факта исследовательницы связывают с О. Шпенглером [7, с. 21].

отдал ей должное: «Она живет одним минувшим; да и где еще может существовать подобное воплощение старых предрассудков, как не в этом обветшалом здании?» [3, с. 218].

Образ Дадли непосредственно предвосхищает образ Фирса из «Вишневого сада», и оба они окрашены долей авторской иронии – не только снижающей, но и по-доброму приподнимающей. Герой Чехова также весь в своем прошлом и также стремится оберегать его ценности и принципы не только буквально, но и духовно-покровительственно (даже больше своих хозяев)³. Реплики Фирса выдают его роль господина над прошлым:

«Фирс. Перед несчастьем тоже было: и сова кричала, и самовар гудел бесперечь.

Гаев. Перед каким несчастьем?

Фирс. Перед волей» [17, с. 224].

Ситуация до отмены крепостного права Фирсом воспринимается идиллически, а для приобретателя Лопахина она, напротив, становится предметом недобрых воспоминаний, толчком к «реваншу» за события прошлого, связанные с фигурой его отца-крепостного. Как в новелле «Старая Эстер Дадли» героиня остается в опустевшем Губернаторском доме одна, так и в финале «Вишневого сада» Фирс один в господском доме (забыт словно случайно). Старый лакей не только смиряется с таким положением, но готов неизменно хранить верность бывшим хозяевам: «Про меня забыли... Ничего... я тут посижу... А Леонид Андреич, небось, шубы не надел, в пальто поехал... <...> Я-то не поглядел...» [17, с. 253–254].

Хотя Фирс не до конца осознает последствия ситуации своего невольного заточения (для него время остановилось), он готов ее полностью принять. Чувствительность и эмоциональная бескорыстная преданность Фирса хозяевам делают его сентименталистским героем. Фирс и Гаев составляют сентименталистскую пару чудаков, вызывающих добрый смех и умиление, хотя также и определенный скепсис ввиду их оторванности от современной жизненной ситуации. В данной паре они часто словно меняются местами господина и слуги: заботливость Фирса по отношению к

³ Черты не слуги, а господина часто отмечаются в образе Фирса: [4; 5, с. 84].

Гаеву часто приподнимает первого над вторым как не имеющим фирсовского «всеведения»⁴.

Чехов и Готорн одинаково саркастически настроены в отношении дельцов. У Чехова антиромантически и антиидиллически подан Лопахин, чья энергия – проявление ложного романтизма. Один из мотивов его действий – «мечь» барам, бывшим хозяевам вишневого сада, при которых его отец находился в качестве крепостного. Лопахин бросает Раневской реплику: «Ваш брат, вот Леонид Андреевич, говорит про меня, что я хам, я кулак, но это мне решительно все равно. <...> Мой отец был крепостным у вашего деда и отца, но вы, собственно вы, сделали для меня когда-то так много, что я забыл все...» [17, с. 204]. Но забыл ли?

Итоговая «мечь» Лопахина Раневской и Гаеву на глазах их близких и их челяди напоминает сюжетную коллизию новеллы Готорна «Мой родич, майор Молинью», где показано комическое унижение якобы почтенной персоны майора на глазах его родственника, до этого считавшего майора неким «значительным лицом». В сцене рубки сада Раневская и Гаев выглядят, как и Молинью, не только уязвленно-комически, но также и трагически-трогательно и трагически-возвышенно⁵.

Лопахиным движет, в том числе, идея «ресентимента» (злопамятности, как ее описали Ф. Ницше и М. Шелер). Один из предшественников Лопахина в аспекте исторической поэтики – персонаж новеллы Готорна «Великий каменный лик» с говорящей фамилией «Греби Золото». Сначала окружающие расценивают Греби Золото в качестве великого прогрессиста, который реализует новую утопию, но тот быстро саморазоблачается, его антиидиллическая и антиромантическая природа затем всех разочаровывает. На роль у Готорна мотивов утопии и антиутопии обратила внимание в упоминавшемся частном письме ко мне проф. Э.Ф. Осипова. Эти мотивы у Готорна почти всегда сопоставлены или соотнесены с жанрово-мотивным комплексом идиллии, с сентиментализированным романтизмом.

⁴ Именно «всеведение» заботливости Фирса по отношению к господам возвышает его над ними.

⁵ Ситуации, подобные истории Молинью, актуальны также для Достоевского и требуют дополнительного исследования.

Образ республиканского губернатора Массачусетса Хэнкока и его неоправданно оптимистические высказывания (новелла «Старая Эстер Дадли») предвосхищает образ прогрессиста Пети Трофимова с его туманно-страстными речами. Так, Хэнкок, все же отдавая должное Дадли, произносит: «Вам (т.е. Дадли. – С. III.) дарована была столь долгая жизнь, что мир вокруг вас успел перемениться»; «Мы более не почитаем для себя образцом верования и обычаи наших прадедов; у нас одна вера, один принцип: вперед, только вперед!»; «...а затем, друзья мои, вперед, вперед – и навсегда покончим с прошлым» [3, с. 225]. Реплики Хэнкока изображены Готорном исключительно объектно-иронически.

К этой новелле полностью применимо глубокое замечание Е.М. Мелетинского: «...исключительный, “неслыханный” случай является одновременно мысленным экспериментом и повествование иногда как бы сбивается на его анализ и обсуждение со стороны нравственно-психологической. Заодно, как всегда в романтической новеллистике, события внешние одновременно являются и событиями внутренними, совершающимися в душах героев» [9, с. 187]. «Мысленный эксперимент» Эстер Дадли неотделим от внешнего действия. Так же затем у Чехова «мысленные эксперименты» Раневской и Гаева («подождать», «может, все решится само собой»), с одной стороны, и «мысленный эксперимент» Лопухина – с другой («попробовать уговорить хозяев», «если нет, самому выкупить и самому стать хозяином»), сопровождаются неумолимым развитием внешних трансформаций действительности, в которой одни теряют, а другие находят. Однако, скорее всего, когда Лопухин в начале комедии пробует уговорить Раневскую и Гаева переделать сад в дачи, он уже знает, что владельцы сада откажутся.

Вместе с тем нужно уточнить замечание Е.М. Мелетинского о том, что Готорна «интересуют или самая смена прошлого» «настоящим», или какие-то исключительные моменты в истории борьбы за независимость, но не сами исторические события, а легендарно-фантастические или легендарно-бытовые происшествия и проявления, их выражающие» [9, с. 185–186].

Все-таки Готорна занимает не «выражение» прошлого, а *прямая манифестация* смысла прошлого, смысла истории, в том числе в их фактичности. Идеалом для Готорна является прошлое,

осмысленное с долей сверхъестественности и легендарности. Принципиально, что Готорн и Чехов рассматривают прошлое в качестве части «большого времени», т.е. целостно. Писатели демонстрируют, что разрыв с прошлым изымает человека из «большого времени», ведет историю к краху и катастрофе. Отсюда исключительная роль в произведениях Готорна и «Вишневом саде» историософии.

Идиллические (сентименталистские) и романтические ценности у Готорна воплощает, например, внешне ничем не примечательный персонаж упоминавшейся новеллы «Великий каменный лик» – Эрнест, пребывающий «на лоне природы» (руссостская «естественность») и живущий для других. В этой новелле символическо-аллегорический образ, вынесенный в заглавие, олицетворяет некое высокое начало, синтезирующее природу и культуру: «...все черты его (лика. – *С. III.*) отличались благородством и были исполнены величия и доброты, словно в них отражалось сердце необыкновенно большое и горячее, охватывающее своей любовью все человечество» [3, с. 368–369]. Оценка этого образа Е.М. Мелетинским в качестве «символа божественного совершенства» [9, с. 188] не вполне оправданна: дело идет о посюсторонних вещах, но понятых через метафизический «культ сердца».

Символ «великого каменного лика» предвосхищает символ «вишневого сада»: оба они «природно-естественны» и вместе с тем тесно сцеплены с культурой, с исторической антропологией, с мотивами духовной, исторической, социальной жизни в целом.

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Проблема сентиментализма // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений [в 6(7) т.]. М.: Русские словари, 1996. Т. 5. С. 304–305.
2. *Белый А.А.* Двойное бытие истинного романтизма. СПб.: Алетейя, 2016. 320 с.
3. *Готорн Н.* Избранные произведения: в 2 т. Л.: Художественная литература, 1982. Т. 2. 510 с.
4. *Гульченко В.В.* Две фигуры: Лир и Фирс // Чехов и Шекспир. М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2016. С. 131–144.
5. *Кирсанова Л.* Экзистенциализм «Вишневого сада» // Ступени. Философский журнал. СПб., 1997. № 10. С. 78–93.

6. Ковалев Ю. Творчество Н. Готорна // *Готорн Н. Избранные произведения*: в 2 т. Л.: Художественная литература, 1982. Т. 1. С. 3–38.
7. Кондратьева В.В., Ларионова М.Ч. Художественное пространство в пьесах А.П. Чехова 1890–1900-х гг.: мифопоэтические модели. Ростов-на-Дону: Изд-во Foundation, 2012. 207 с.
8. Кошелев В.А. Мифология «сада» в последней комедии Чехова // *Русская литература*. 2005. № 1. С. 40–52.
9. Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. М.: Наука, 1990. 274 с.
10. Осипова Э.Ф. Американский роман от Купера до Лондона. Очерки по истории романа США XIX века. СПб.: Нестор-История, 2014. 204 с.
11. Паперный З.С. Испытание романтизма // *Паперный З.С. Стрелка искусства: О Чехове*. М.: Современник, 1986. С. 24–56.
12. Парфенов А.И. Традиции русского романтизма в прозе А.П. Чехова 1888–1903 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 23 с.
13. По Э. Новеллистика Н. Готорна // *Эстетика американского романтизма* / пер. с англ. М.: Искусство, 1977. С. 122–131.
14. Полоцкая Э.А. «Вишневы сад». Жизнь во времени. М.: Наука, 2003. 381 с.
15. Реузов Б.Г. Творчество Флобера. М.: Гослитиздат, 1955. 524 с.
16. Турбин В.Н. «Весь Чехов – это стилизация...»: Опыт осмысления одного высказывания М.М. Бахтина // *М.М. Бахтин и перспективы гуманитарных наук*. Витебск, 1993. С. 117–118.
17. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1978. Т. 13. 524 с.
18. Шульц С.А. «Анна Каренина» Л.Н. Толстого и «Госпожа Бовари» Г. Флобера // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2016. Т. 75. № 2. С. 21–25.

References

1. Bakhtin, M.M. “Problema sentimentalizma” [“The Problem of Sentimentalism”]. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works] [in 6(7) vols]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996, vol. 5, pp. 304–305. (In Russ.)
2. Belyi, A.A. *Dvoinoe bytie istinnogo romantizma* [The Double Existence of True Romanticism]. St Petersburg, Aleteiya Publ., 2016, 320 p. (In Russ.)
3. Gotorn, N. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]: in 2 vols. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982, vol. 2, 510 p. (In Russ.)
4. Gul'chenko, V.V. “Dve figury: Lir i Firs” [“Two Figures: Lear and Firs”]. *Chekhov i Shekspir* [Chekhov and Shakespeare]. Moscow, GTSTM im. A.A. Bakhrushina Publ., 2016, pp. 131–144. (In Russ.)

5. Kirsanova, L. "Ekzistentsializm 'Vishnevogo sada'" ["Existentialism of the 'Cherry Orchard'"]. *Stupeni. Filosofskii zhurnal*. St Petersburg, no. 10, 1997, pp. 78–93. (In Russ.)
6. Kovalev, Yu. "Tvorchestvo N. Gotorna" ["Creativity of N. Hawthorne"]. Gotorn, N. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]: in 2 vols. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982, vol. 1, pp. 3–38. (In Russ.)
7. Kondrat'eva, V.V., Larionova, M. Ch. *Khudozhestvennoe prostranstvo v p'esakh A.P. Chekhova 1890–1900-kh gg.: mifopoeticheskie modeli*. [Artistic Space in the Plays of A.P. Chekhov in the 1890–1900 s: Mythopoetic Models]. Rostov-on-Don, Foundation Publ., 2012, 207 p. (In Russ.)
8. Koshelev, V.A. "Mifologiya 'sada' v poslednei komedii Chekhova" ["The Mythology of the 'Garden' in Chekhov's Last Comedy"]. *Russkaya literatura*, no. 1, 2005, pp. 40–52. (In Russ.)
9. Meletinskii, Ye.M. *Istoricheskaya poetika novelly* [Historical Poetics of the Short Story]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 274 p. (In Russ.)
10. Osipova, E.F. *Amerikanskii roman ot Kupera do Londona. Ocherki po istorii romana SSHA XIX veka* [American Novel from Cooper to London. Essays on the History of the 19th Century USA Novel]. St Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014, 204 p. (In Russ.)
11. Papernyi, Z.S. "Ispytanie romantizma" ["Test of Romanticism"]. Papernyi, Z.S. *Strelka iskusstva: O Chekhove* [Arrow of Art: About Chekhov]. Moscow, Sovremennik Publ., 1986, p. 24–56. (In Russ.)
12. Parfenov, A.I. *Traditsii russkogo romantizma v proze A.P. Chekhova 1888–1903 gg.* [Traditions of Russian Romanticism in the Prose of A.P. Chekhov 1888–1903]: PhD in Philology abstr. Moscow, 2016, 23 p. (In Russ.)
13. Po, E. "Novellistika N. Gotorna" ["Short stories by N. Hawthorne"]. *Estetika amerikanskogo romantizma* [Aesthetics of American Romanticism]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1977, pp. 122–131. (In Russ.)
14. Polotskaya, E.A. "'Vishnevyy sad'. Zhizn' vo vremeni" ["'The Cherry Orchard'. Life in Time"]. Moscow, Nauka Publ., 2003, 381 pp. (In Russ.)
15. Reizov, B.G. *Tvorchestvo Flobera*. [Flaubert's Work]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1955, 524 p. (In Russ.)
16. Turbin, V.N. "'Ves' Chekhov – eto stilizatsiya...': Opyt osmysleniya odnogo vyskazyvaniya M.M. Bakhtina" ["'The Whole of Chekhov is a Stylization...': The Experience of Comprehending One Statement by M.M. Bakhtin"]. *M.M. Bakhtin i perspektivy gumanitarnykh nauk* [M.M. Bakhtin and prospects for the humanities]. Vitebsk, 1993, pp. 117–118. (In Russ.)

-
17. Chekhov, A.P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [*Complete Works and Letters*]: in 30 vols. Moscow, Nauka Publ., vol. 13, 1978, 524 p. (In Russ.)
 18. Shul'ts, S.A. “*Anna Karenina* L.N. Tolstogo i *Gospozha Bovari* G. Flobera” [“*Anna Karenina* by L.N. Tolstoy and *Madame Bovary* by G. Flaubert”]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, vol. 75, no. 2, 2016, pp. 21–25. (In Russ.)